

В конце концов, это была одна из многих неизбежных вещей в мире.

Я уже давно это осознала.

"Если... Если бы я вышла замуж за Шуэля или даже обручилась, это породило бы слухи. Даже если сейчас это несерьезно, то что будет потом?".

На первый взгляд, уверенные взгляды Мари и Дерика показались мне более смелыми.

"Если женщина, которая является простой простолюдинкой, станет молодой госпожой Себрируа, постоянно будут возникать проблемы, так что я уверена..."

Некоторое время я не могла говорить. Но, сделав глубокий вдох, я закончила свое предложение.

"Скоро вы скажете мне разорвать брак".

Я не верю, что стою для них так много.

Ведь как бы вы ни относились к кому-то, как к собственным детям, в конце концов, кровные отношения были важнее.

Я была для них самой легкой ценностью.

По сравнению с Шуэлем и Риетой я не представляла особой ценности, меня можно было выбросить на помойку по сравнению с детьми, которые унаследуют титул Себрируа.

Я хотела говорить откровенно, но к концу фразы примешалось негодование. Мне это не понравилось, поэтому я закусила губы.

"Рвен....."

"Я прошу прощения, если перешла черту. Я не хотел вас обвинять".

Поспешные слова прервали Дерика.

Я хотела выглядеть хорошо, но уже тогда я рассыпалась.

Эмоции, которые я сдерживала, переполняли меня.

Они не сделали ничего плохого.

Даже если то, что я сказала, имеет место, они просто забирают назад доброе расположение, которое давали все это время.

Даже если это жестоко по отношению ко мне, что я могу поделать, который до сих пор только получал?

И все же, даже если это не так, Мари и Дерик чувствовали себя для меня родителями.

Я не хотела открывать глубину их сердец, будучи ввергнутой в неизбежную ситуацию.

То, что я ожидаю, и то, что я действительно вижу своими глазами, - две разные вещи.

Пережить, что тебя трижды бросили родители, - это слишком.

Мои глаза затуманились, и упала капля слезы. Я быстро вытерла слезы рукой.

Я увидела Дерика и Мари ясным зрением.

"..... Ты".

Смущена. Шокирована.

"Ты думала об этом все это время?"

Гнев.

Мое сердце упало от этого выражения.

"Рвен, мы взрослые, поэтому мы более зрелые, чем ты, но это не значит, что нам не бывает больно".

Дерик сухо вытер лицо. Мари тоже смотрела на меня своими темными глазами.

"Мы... я думаю, нам нужно провести долгую дискуссию".

Раньше они никогда не проявляли такого отношения ко мне.

Даже когда речь шла о твердой дисциплине, они были милы и никогда не сердились на меня.

Кончики моих пальцев стали холодными и начали дрожать. Это было одновременно неловко и страшно.

В тот момент я не была 22-летней.

Это был 9-летний ребенок из далекого детства, который боялся, что его возненавидят родители.

"Мы вместе уже более 10 лет".

Мари, которая до этого сидела с закрытым ртом, заговорила в гостиной, где воцарилась тишина.

Я попыталась предугадать слова, которые последуют за этим, но не могла ничего придумать в своем усталом сознании. В конце концов, я закусила губу, так как не думала, что услышу что-то хорошее.

"Ты - дитя мое и Дерика. Так же, как Шуэль и Риета".

Я была ошеломлена этими словами. Я забыла о своих дрожащих руках.

Это было неожиданное заявление.

Мари беспомощно улыбнулась. После того, как она всегда выглядела такой сильной, она впервые так улыбнулась.

Мари подошла ко мне и крепко обняла меня. Ее руки были еще теплыми.

Дерик выглядел слегка рассерженным, но сделал то же самое. Затем он вышел из гостиной вместе с Мари.

Оставшись одна, я долгое время сидела молча.

Слова и тепло оставались в моих ушах и задерживались.

□ □ □

Когда Кендрик вышел из гостиной, его шаг ускорился.

Мариус молча последовала за мужем, поднялась по лестнице и вошла в комнату в конце коридора, закрыв дверь, когда Кендрик, дрожа, повысил голос.

"Арвен, она, серьезно...!"

Кендрик, смешанный между горем и гневом, кусал губы.

"Как нам заставить ее остаться, что мне делать? Как она могла сказать мне такое!"

Мариус слушала с угрюмым выражением лица.

Когда она пересадила своего эмоционального мужа на диван и взяла его за руку, Кендрик одной рукой вытер лицо.

"Она моя дочь. Она наша дочь, Мари. Верно?"

Эти печально-возмущенные глаза обратились к его жене, словно ища подтверждения.

Она была всего лишь ребенком с исключительно болезненным пальцем[1], выдававшим себя за взрослого в возрасте девяти лет. У них не было кровного родства, но из-за этого они уделяли ей больше внимания и очень заботились о ней.

[1] Из поговорки "Укуси десять пальцев, и все будут болеть одинаково" следует, что каждый ребенок одинаково дорог своим родителям, и боль ребенка - это их боль.

Как и для Шуэля и Риеты, Арвен значила для пары все.

"Я растил ее как свою дочь 13 лет, а она относилась к нам как к чужим".

Поэтому Мариус и Кендрику показалось, что их ударили по затылку, когда Арвен сказала это с улыбкой.

Было больно услышать от любимой дочери, что ты чужой.

Но они не могли винить только Арвен.

"Это так обидно, бессердечно и жестоко.....".

Голос Кендрика затухал от слез.

"Мари, ты видела выражение лица Рвен?"

Мариус кивнула на голос Кендрика.

"Она выглядела так, будто вот-вот заплачет, но не могла проронить ни слезинки".

Это была болезненная сцена для Кендрика и Мариус.

Именно из-за этого выражения они не могли рассердиться на Арвен и ушли подальше от гостиной, где ребенок не мог их услышать.

"Все было как тогда, 13 лет назад".

Маленький ребенок, едва достигавший им до пояса.

Лицо ребенка, который побледнел и только смотрел на него, все еще было запечатлено в его памяти.

Несмотря на то, что он знал, что должен отправить ребенка обратно, он продолжал смотреть на нее и не мог смириться с тем, что отпустит ее.

После этого ребенок становился все более и более знакомым в их глазах.

Они отдали часть своего сердца, думая, что это жалость, но Арвен успела полностью окрасить его, прежде чем они поняли это.

Они знали, что она была ребенком со многими ранами. Они делали все возможное, чтобы заботиться об Арвен.

Арвен была послушной. Ребенок вскоре открыл свое сердце, и тень, нависшая над ней, вскоре исчезла.

"Я думал, с ней все в порядке".

Так они думали, пока не поговорили с Арвен сегодня.

"Так что я по глупости перестраховался. Мы любим ее, поэтому я думал, что все в порядке".

Кендрик глубоко вздохнул. Это был вздох, в котором было много тяжести.

Мариус, которая болезненно смотрела на его фигуру, тихо открыла рот.

"Я должна была заметить, Дерик".

"....."

"Мы все знали, что сделало ее зрелой".

"....."

"За то время, что прошло, пока мы чувствовали облегчение, Арвен продолжала оставаться тем одиноким ребенком".

Тихие слова Мариус были упреком. Для ее мужа и для нее самой.

"..... Не слишком ли поздно?"

Голос Кендрика стал слабым.

"Я, я не знаю. Что мне теперь делать?"

Что я должен сделать, чтобы успокоить ее? Глаза Кендрика расфокусировались.

Слишком поздно. Он узнал слишком поздно.

Должно быть, Арвен очень долго жила, считая себя неполноценной.

Она сказала, что покинет дом с непринужденной улыбкой, словно уже изолировала себя.

Она уже была так сильно ранена, так что же делать, если она не может исцелиться?

"Мари, что нам делать с нашей дочерью?"

Мариус, которая пристально смотрела на плачущего мужа, мягко обняла Кендрика.

"Все хорошо".

"....."

"С Рвен все будет хорошо. Я уверена в этом."

Пробормотала Мариус, словно обещая ему.

Его печаль была такой же, как и ее. Но Мариус не теряла надежды.

"Покажи, что ты ее очень любишь. Так же, как ты любишь меня, Шуэля и Риету".

Она и Кендрик любили Арвен.

Она также знала, как драгоценна и удивительна любовь ее мужа.

"Даже если будет трудно, ты справишься".

"....."

"Как ты сказала, мы ее родители".

Мариус верила, что его искренняя любовь обязательно найдет выход.

"Этого будет достаточно?"

Кендрик все еще выглядел обеспокоенным. Мариас обняла мужа и мягко улыбнулась.

"Этого будет достаточно".

Даже если нам чего-то не хватает, даже если мы ошибаемся.

Мы не единственные, кто любит этого ребенка.

<http://tl.rulate.ru/book/62675/2807420>